

МНЕ, актрисе, часто приходится выступать на праздничных вечерах. Бывает, придешь — улыбающийся руководитель говорит:

— У нас без торжественной части. Раздадим подарки, премии — вот и вся недолга!

Атмосфера непринужденная. Под веселые реплики и шутки вручают кому шаль, кому кухонные принадлежности, кому еще какую-нибудь забавную мелочь. В равной степени довольны все — и мужчины, и женщины, — хотя праздник только женский. За что получают подарки? Ответа не требуется. Почему награждаются одни женщины? Тоже ясно само собой.

Но, очевидно, не все так считают. Сразу еду на другой завод. Здесь совсем иная картина. Докладчик долго и утомительно объясняет собравшимся, почему сегодня праздник, кому он посвящен, приводит цифры, делает математические выкладки и затем, наверное, ставит галочку — мероприятие проведено.

И в прошлый, и в позапрошлый год здесь, вероятно, говорилось то же самое, и от этого так невыносимо скучно. Присутствующие следят за тем, сколько еще страниц осталось оратору «доложить». Вместо торжества — какое-то наказание. К чему оно? Может быть, иногда и этот оратор мучается, слушая другого?

Но почему я, актриса, вдруг заговорила об этом. Ведь как будто здесь нет прямых аналогий с проблемами нашего искусства. Прямых — нет. Я не могу себе представить, чтобы в наши дни какой-нибудь фильм снимался лишь для того, чтобы в тематическом плане киностудии была поставлена «галочка». Но разве нет во многих наших, даже хороших фильмах назойливых примет конъюнктуры, когда вместо глубинного раскрытия значительных явлений мы встречаем лишь внешнее, торопливое, формальное их иллюстрирование?

В ОДНОМ разговоре со мной Александр Петрович Довженко, вдохновенный мечтатель, привел такой образный пример (это было в те годы, когда у нас выпускалось всего 13 фильмов и даже 20 было пределом мечтаний кинематографистов):

— Если скомандовать роте — становись! — то она построится за минуту. Эскадрону нужно больше времени, а флотилии несколько часов. Развернуть же в строю 50 фильмов — для этого, наверное, нужны годы!

Эти годы уже прошли, и мы живем в такое время, когда количество картин, выпускаемых нашими студиями, давно перева-

субъективные заметки

НЕ ДЛЯ «Галочки»

Н. МОРДЮКОВА

лило за ту цифру, которая раньше считалась самой смелой мечтой. Киноискусство стало полнее отображать жизнь, шире раскрылись возможности кинематографа. Сегодняшнее кино — сложнее, искуснее.

Естественно, мы стараемся делать фильмы как можно лучше. К сожалению, это нам не всегда удается. Само слово «лучше» тоже вызывает различные толкования, и я лично приветствую тех, кто неустанно готов спорить о том, как понимать это слово, отстаивать свою точку зрения или обретать ее в дискуссии. Некоторые предпочитают действовать по готовым рецептам, и нередко получается так, что большая удача какого-либо фильма порождает множество эпигонских картин. Главной слабостью таких фильмов является в первую очередь то, что они подражательны. Помню свое впечатление от фильма «Последний дюйм» по талантливому рассказу Джеймса Олдриджа. Смотреть эту картину было как-то даже неловко: я не почувствовала в ней своеобразия авторской манеры. Это была имитация некоего средне-арифметического западного фильма. Имитация искусная, можно даже сказать — артистичная. Но главное скрыть не удалось — картина была холодной, в ней не было кровообращения. Я уверена, что любое подражание оставляет зрителя холодным, потому что в нем нет рождения искусства, нет первородства, и никакая режиссерская, актерская или операторская техника этого не скроют. Стоило выйти на экраны фильму «Человек идет за солнцем», как через некоторое время появились произведения, механически повторяющие находки картины. Стоило развернуть оригинальному, своеобразному дарованию Урусевского, как и тут нашлись подражатели, чисто внешне копирующие его манеру. Недавно на экраны вышли и такие картины, которые подражают сразу нескольким образцам, не поймешь даже, каким в первую очередь: «Улицы Ньютона, дом № 1», «Возвращение Вероники», «Дочь Стратигона» и пр. Бездумное модничанье, кинематографическое щегольство, кстати говоря, могли бы стать объектом сатиры в нашем киножурнале «Фитиль».

ЛУЧШИЕ советские фильмы, получившие в последние годы признание и у нас, и за рубежом, отличаются прежде всего оригинальным видением мира, своей позицией, не придуманным, не взятым откуда-то со стороны взглядом на вещи. Вот этому, мне кажется, следует учиться.

Но порой даже искреннее желание создать актуальный фильм на острую современную тему не приносит авторам успеха. Оно выглядит как скороспелое стремление наспех обозначить то или иное явление жизни. Иногда в сложную ткань искусства мы вводим схему, и она, естественно, выглядит чужеродной. Видна, как на ладони. Она — как скоропалительный рапорт, что задание выполнено, важная тема «освоена». А как это сделано и действительно ли освоено, — как будто бы вопрос второй.

Как часто такая поспешность порождает откровенно слабые эпизоды в картине! Особенно это бывает заметно, когда уже прошли годы и время по-своему разрешило сомнения и страсти. Смотришь такую картину и видишь в том или ином месте эти когдато и кому-то казавшиеся необходимыми «галочки». Фильм «Чужая родня» мне нравится, я горжусь участием в нем. Фильм был хорошо принят зрителем. Но в процессе съемок кому-то показалось, что в картине нет достаточно наглядных примет времени, и режиссеру в последний момент навязали следующее решение. Представьте себе: финал картины, заключительный кадр, играется любовная сцена, а на столе «крупным планом» выставлен общественно-политический журнал. Название журнала повернуто, конечно, в сторону зала, чтобы зритель, смотря картину, не только увидел, что влюбленные, наконец-то, нашли друг друга, но и что все это произошло «с правильных идейных позиций». Избегая смотреть друг другу в глаза, снимаем мы иной раз такие надуманные сцены. Кому это надо? Только не зрителю. Он смотрит и ухмыляется, а потом на обсуждениях честит нас.

Особенно бывает обидно, когда такого рода вещи попадают в хорошие картинах. «Тишина» — во многом интересный и значительный фильм. Он поднял важные вопросы нашего времени. Но зачем нужно было авторам прибегать к явной иллюстрации в финале картины?

Фильм «Председатель» снимался с прицелом раскрыть образы тружеников села первых послевоенных лет, поднявших на своих плечах разрушенное хозяйство. Осмыслить недостатки, которые были у нас в послевоенные годы. Фильм был задуман как правдивый, откровенный рассказ о том времени. Так он и снимался. Но к концу картины хотелось показать, что усилия людей не пропали даром, что благодаря их труду жизнь преобразилась, улучшилась. Возник финал. На экране появились родильный дом с колоннами и другие внушительные строения, люди оказались одетыми в новые костюмы и шляпы.

Сами по себе эти детали — если соблюсти меру — не являются нарушением правды, но зрителем они были восприняты именно так. Да, у зрителя обостренное чутье «на правду», и мы не должны об этом забывать.

У нас много достижений, и мы заслуженно гордимся ими. Но и мы, и само наше время против любой конъюнктуры, против безответственного пустозвонства везде, в том числе и в искусстве. Воспитание положительным (а не подлакированным, подслащенным) примером — главная линия нашего искусства.

Я за то, чтобы показывать в кино лучшие стороны нашей жизни, чтобы отражать в первую очередь самые значительные, общенародные темы. Но для этого нужно находить достойные этих тем краски, говорить о них полным голосом искусства.

В этой связи хотелось бы поделиться своими мыслями о некоторых фильмах, посвященных Владимиру Ильичу.

Среди них есть картины, сделанные на высочайшем уровне вдохновения. Художники, авторы этих фильмов, чувствовали свою высокую ответственность перед народом и историей нашего государства. Хочется привести один пример. В «Коммунисте» всего две сравнительно небольшие сцены с участием Ленина. Но драматург Е. Габрилович долго искал решение этих сцен, и в фильме их нельзя назвать эпизодами. Наоборот, они стали как бы ключом к пониманию замысла фильма.

Но можем ли мы сказать с ответственностью, что все фильмы, которые в связи с юбилейными датами со дня рождения Ильича выходят на экраны, отвечают тем высоким требованиям, которые мы предъявляем к ленинской теме?

Тема эта очень важна, и ей справедливо уделяется первостепенное внимание. Выход каждой картины о Ленине и о революции — это событие. Но, к сожалению, это не всегда событие искусства. Говорим ли мы об этом, пишем? Нет. Получается, что, вместо того, чтобы подвигать ответственности за такие важные картины, мы стыдливо замалчиваем их, когда они неудачны.

Да, ленинская тема очень сложна. Да, разрабатывать ее непросто. И художник, который претендует на ее разработку, должен доказать свое творческое право на это.

НЕ ДОКАЗАТЬ поспешное, ничто скоропалительное, поверхностное, не оставит благодарной памяти в зрителе, который, в конечном результате, является нашим единственным судьей.